

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СССР 1930-х ГОДОВ

УДК 94(47).084.6

doi 10.17072/2219-3111-2022-3-163-172

Ссылка для цитирования: *Мишина Е. М.* Репрессии в Московском регионе в 1933 году: политические и социальные аспекты // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 163–172.

РЕПРЕССИИ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ В 1933 ГОДУ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Е. М. Мишина

Благотворительный фонд «Протяни руку», 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, корп. 3

zuy@inbox.ru

ResearcherID: ABB-1792-2020;

Представлен анализ репрессивных операций, проводимых в СССР в 1933 г., на примере Московского региона. Приводится разбор основных направлений репрессий на основе директив и постановлений ЦК ВКП(б), СНК СССР и ОГПУ, сопровождавших массовые аресты по политическим мотивам, а также рассматривается социальный портрет репрессированных по материалам архивно-следственных дел, хранящихся в Государственном архиве РФ (фонд 10035). Установлено, что проводимые репрессивные операции четко соответствовали указаниям центральной власти. Основной причиной арестов было наличие в биографии арестованного факта раскулачивания или лишения избирательных прав. Массовые осуждения по внесудебным приговорам «тройки» ОГПУ по Московской области происходили до подписания инструкции от 8 мая 1933 г., прекратившей массовые выселения крестьян. До этого времени фокус террора был направлен на выходцев с Украины, Северного Кавказа и Поволжья, а факт раскулачивания имел решающее значение при вынесении приговора. До мая 1933 г. на регулярных заседаниях «тройки» выносилось до 150 приговоров за раз. В наибольшей степени от репрессий пострадали рабочие – вчерашние крестьяне, бежавшие от раскулачивания, часто проживавшие в Москве без документов, за чертой бедности, в постоянной нужде. В их «антисоветской агитации» выражалось недовольство условиями жизни и работы, за нее принимались и бытовые высказывания. Среди молодежи проявление «антисоветских настроений» выражалось в рассуждениях о текущем положении в стране, его осмыслении, нередко в высказываниях об альтернативных курсу партии путях построения социализма.

Ключевые слова: политические репрессии, архивно-следственные дела, Москва 1933 г., социальный портрет репрессированного, динамика репрессий, «тройки» ОГПУ.

1933 г. в определенном смысле можно назвать переломным в истории СССР. Со свертыванием коллективизации, прекращением массовых высылки и объявлением победы над «кулаком» в стране начинался новый, относительно мирный, хотя и кратковременный, этап социалистического строительства. Однако даже в мирный период не прекращались преследования граждан по политическим мотивам. В отличие от процессов административной высылки, их ход анализируется в исторической литературе лишь на примере отдельных дел [Папков, 2014; Тепляков, 2012; Красильников, 2005]. В данной статье мы ставим задачу реконструировать ход политических репрессий в 1933 г. на примере Московского региона на основании постановлений и инструкций СНК, ЦК ВКП(б) и ОГПУ, рассмотреть их отражение в региональной политике, а также проанализировать их динамику, основные направления, социальный состав жертв. Для реализации последней поставленной задачи нами используются материалы архивно-следственных дел репрессированных в Москве и области (в современных границах) по линии полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Московской области, хранящиеся в Государственном архиве (ГА) РФ (фонд 10035), которые изучаются сотрудниками проекта «Открытый список» жертв политических репрессий в СССР в процессе составления «Книги памяти репрессированных москвичей» [Мишина, 2020]. В просмотренных за три года проекта 12 700 делах первой описи указанного фонда (дела выдаются в порядке нумерации) содержится треть от всех дел 1933 г., хранящихся в ГАРФ.

Как место дислокации центральной власти Москва фигурирует практически в каждом исследовании, посвященном советским политическим репрессиям, однако не так много работ посвящено ей как региону, в котором, как и по всей стране, проходили различные репрессивные кампании. В столице аресты проводились по линии центрального аппарата ОГПУ (его следственное делопроизводство хранится в центральном архиве ФСБ и не используется в рамках текущего исследования, так как имеет отличную от региональной специфику) и ПП ОГПУ по Московской области (образовано 17 февраля 1930 г.). В 1933 г. оно осудило 23 714 чел. [Мозохин, 2011] на территории сегодняшних Московской, Калужской, Рязанской и Тульской областей, по масштабу уступив лишь ГПУ всей Украинской ССР. Если задачей центрального управления было раскрытие крупных «контрреволюционных групп» и организация различных квазисудебных процессов над высокопоставленными чиновниками, партийцами и военными, деятелями науки и искусства, то целями ПП ОГПУ по Московской области становились рядовые советские граждане, дела которых рассматривались в упрощенном порядке на «тройках». Механизм их работы и социальный состав жертв репрессий в 1937–1938 гг. на микроуровне районов и отдельных московских предприятий подробно рассмотрен А. Ватлиным [Ватлин, 2004, 2012]. Однако последовательная документальная реконструкция различных периодов репрессий в Московском регионе еще не проведена; составление «Книги памяти репрессированных москвичей» способствует продолжению этой работы.

На фоне борьбы с последствиями тяжелейшего голода, еще терзавшего районы страны, центр был вынужден повысить бдительность к различным «контрреволюционным элементам» в сельском хозяйстве. Сигналом к этому стало требование И. В. Сталина в декабре 1932 г. обратить серьезное внимание на материалы «о разоблачениях контрреволюционных организаций» в Ветеринарном управлении Наркомзема СССР и в Тракторцентре [Папков, 2012, с. 122]. Традиционно врагов видели в «бывших» и «старой интеллигенции», а в марте 1933 г. секретарь Западно-Сибирского крайкома Р. Эйхе докладывал Сталину о раскрытии ряда повстанческих и белогвардейских организаций. Для расправы над «врагами» некоторым ПП ОГПУ было временно предоставлено право вынесения приговоров к высшей мере наказания [Папков, 2010, с. 138], которым они пользовались с избытком. Как убедительно доказывает А. Тепляков, известное на сегодня, по данным ФСБ, количество расстрелянных в 1933 г. при рассмотрении статистики отдельных полпредств ОГПУ оказывается значительно выше представленного в статистике О. Мохохина [Тепляков, 2013]. ПП ОГПУ Московской области не получило права вынесения смертных приговоров, однако оказалось на передовой «борьбы» с бежавшими из голодающих районов.

За один 1932 г. население столицы выросло почти на полмиллиона человек и составило 3,6 млн к началу 1933 г. Приток населения происходил не только из окрестных районов, в Москву тянулись люди с разных уголков СССР. Тысячи рабочих были заняты на стройках промышленных и культурных объектов, бывшие крестьяне – уходившие на заработки, спасавшиеся из голодных регионов, бежавшие от раскулачивания, лишённые избирательных прав, бывшие торговцы – пополняли ряды пролетариата. Эти люди жили в постоянном страхе разоблачения и ареста, подчас нелегально занимая жилплощадь и пользуясь не полагающимися им правами и льготами [Баберовски, 2014, с. 122]. По всему городу наблюдался разгул мелкой преступности, «хищений государственной собственности и хулиганства». По улицам разгуливали попрошайки, бездомные дети, личности без документов – «деклассированные», которые вызывали опасения не только у милиции, но и у органов ГПУ [Ширер, 2014, с. 101–102]. Власти напрямую связывали ухудшение криминогенной обстановки с притоком в города крестьян-рабочих [Фицпатрик, 2008, с. 66]. Последствия голода, охватившего многие регионы СССР, ощущались и в столице. 18-летний Степан Подлубный, приехавший в столицу в 1930 г. из Архангельска, где проживала в ссылке его раскулаченная семья, так зафиксировал в своем дневнике впечатления от Москвы начала 1930-х гг.: «За три года жизни в Москве я не помню, когда бы я был по горло сыт. Всегда я ходил не доедавши. В первом году жизни ел, лишь бы не сдохнуть с голоду. Бывало найдешь на улице корку мерзлого хлеба, сдуешь с него снег и грязь, съешь, а потом и думаешь, а что, если от грязи живот заболит. Во втором году приходилось жить полуголодными и рваными. В третьем – голодными на 1/3 и более или менее оделись. Сейчас сыт, правда, не сытной пищей, но сыт, и хоть и не шикарно, но я доволен» [Козлова, 2005, с. 197].

Недовольство населения, за которым неустанно следили органы государственной безопасности, не могло укрыться от центральной власти. В докладе на объединенном пленуме ЦК и ЦКК

ВКП(б) 7 января 1933 г. Сталин, подводя итоги первой пятилетки, очертил круг «врагов», с которыми предстояло в будущем бороться советской власти, а также указал основные направления их антисоветской деятельности: «Оказались вышибленными из колеи последние остатки умирающих классов: частные промышленники и их челядь, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы. <...> Главное в “деятельности” этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности» (Сталин, 1951, с. 207–208). Преступлениям хозяйственным по своей сути была придана политическая окраска. В который раз было подтверждено, что индикатором «вины» человека являлось и его социальное прошлое.

Аресты начались с самого первого дня года: 1 января были арестованы восемь человек. 3 января политическое управление Украинского военного округа (ПУ УВО) в сводке «О работе парторганизации частей УВО и настроениях в связи с хлебозаготовками» указало на недостатки идеологической работы вокруг хлебозаготовок в некоторых частях управлений начальников работ (УНР) и призвало к жесткой борьбе «с элементами прямого разложения и смыкания с кулаком отдельных коммунистов» (О работе парторганизаций..., 2001, с. 622). Отклик на украинскую сводку не заставил ждать себя в столице. В течение двух недель оперативный отдел ОГПУ бригады им. Калиновского провел серию арестов в 36 УНР. По материалам следствия, все арестованные вели антиколхозную агитацию, четверо из них были раскулачены и «скрыли свое прошлое» при поступлении на службу (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-2690. Л. 11; Д. П-2691. Л. 12; Д. П-2694. Л. 11; Д. П-2695. Л. 11; Д. П-2696. Л. 6). В дальнейшем «пятна» в биографии арестованных – наличие крупной собственности до революции, служба в царских органах охраны, занятие торговлей, служба у «белых» – будут фигурировать почти в каждом следственном деле. Однако в начале 1933 г. они еще не стали весомым показателем для ужесточения обвинения: на первом месте здесь стоял факт раскулачивания, нахождение в ссылке или побега из нее.

22 января были подписаны сразу два документа, которые санкционировали аресты среди определенных групп граждан. Директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР за подписью Сталина и Молотова «О предотвращении массового выезда голодающих крестьян» объясняла, что массовый выезд крестьян Кубани и Украины «за хлебом» вызван не свирепствующим голодом, а организован «врагами Советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации “через крестьян” в северных районах СССР против колхозов и вообще против Советской власти». Директива предписывала, в числе прочих, полномочному представительству ОГПУ Московской области «арестовывать пробравшихся на север “крестьян” Украины и Северного Кавказа», отбирать «контрреволюционные элементы», а остальных водворять в места их жительства (Директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР..., 2003, с. 391). В этот же день ОГПУ в собственной директиве за подписью Ягоды обязало «ПП ОГПУ МО, ЦЧО Запобласти, Нижней Волги, Средней Волги и Закавказья немедленно арестовать всех пробравшихся с Украины и СКК, подвергая их тщательной фильтрации. Все злостные контрреволюционные элементы заключить в концлагеря» (Директива ОГПУ СССР..., 2005, с. 262–263). 16 февраля 1933 г. Политбюро распространило действие директивы от 22 января на Нижнюю Волгу (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), 2001, с. 644). Впоследствии даже органы ОГПУ вынуждены были признать, что среди задержанных лишь незначительную часть составляли раскулаченные или «контрреволюционные элементы»: большинство задержанных составляли крестьяне-бедняки, бежавшие из голодных районов в поисках хлеба. Таким образом, «преступником» становился любой крестьянин как представитель своего класса [Ивницкий, 2000].

В последующие два месяца после издания постановлений в Москве и области была привлечена к ответственности половина из всех арестованных в 1933 г. выходцев с Украины и Среднего Поволжья. По документам почти все они значились выходцами из крестьян-«кулаков» и прибыли в Москву после раскулачивания. Большинство дел было оформлено в индивидуальном порядке, но часть арестованных следователи объединили в «контрреволюционные группы». Шестеро рабочих Мытищинского лесничества «вели антисоветскую агитацию против хлебозаготовок, налоговой политики, колхозного строительства, провоцировали слухи о голоде». По показаниям свидетелей, лесоруб Макар Давыдов неоднократно говорил: «Сейчас народ в особенности голодает, смертельный голод на Украине, оттуда сейчас все крестьяне бегут, землю бросают, все они настроены против

советской власти, ждут войны, когда только этих грабителей сметут со света» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-564. Л. 62–63). Группа «кулаков» по фамилии Поладько бежала с Украины и по поддельным документам устроилась на работу в совхоз «Горки-2» Кунцевского района, где «проводила антисоветскую агитацию среди рабочих совхоза» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-1683. Л. 85). Выходцы с Северного Кавказа братья Кобозевы бежали от раскулачивания, устроились на работу на завод им. Молотова, где «допускали в работе прямой саботаж» и «вели резкую антисоветскую агитацию» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-531. Л. 30). Обвинения, прописанные в обвинительных заключениях, соответствовали генеральным линиям, обозначенным Сталиным в его речи на пленуме 7 января, однако «тройками» абсолютное большинство было осуждено за антисоветскую агитацию (ст. 58 п. 10 УК РСФСР 1926 г.), за исключением 7 % от всех осужденных, к обвинению которых добавились пункты 6 (шпионаж), 7 (вредительство), 8 (терроризм), 9 (организация диверсий) и 14 (саботаж) статьи 58. Очевидно, что более серьезные обвинения, характерные, например, для периода Большого террора, не были характерны для практики осуждений 1933 г.: из привлеченных по указанным обвинениям реальные сроки получили только уличенные в «саботаже», дела на остальных были прекращены за недоказанностью обвинения. Как показывают материалы обвинительных заключений, в поиске «пятен» в биографиях арестованных зимой–весной 1933 г. факт раскулачивания или побега с места ссылки был чуть более значимым, чем положение человека до революции или факт службы в Белой армии, что стало одними из основных «отягчающих обстоятельств» уже с конца 1934 г. [Панков, 2012, с. 194–195].

Рассмотрение дел на бежавших с мест высылки «кулаков» проходило в соответствии с приказом ОГПУ № 402/с, изданном еще 28 апреля 1932 г. Согласно ему, дела на бежавших «кулаков» рассматривались «на судебных тройках тех ПП ОГПУ, на территории которых они задержаны», а следствие по таким делам должно было завершаться в двухмесячный срок (О порядке рассмотрения дел на кулаков..., 2006, с. 557–558). Большинство из приезжих, арестованных в столице в 1933 г., попадало под действие этого приказа. Средний срок следствия по таким делам составил 51 день. Из всех заведенных в Москве и области производств самый быстрый разбор дела занял два дня, самое длительное следствие продолжалось 324 дня. Треть арестованных ожидала своего приговора более двух месяцев.

За первые четыре месяца года было арестовано 2370 человек. Самые активные аресты прошли в феврале: 772 человека, 39 % из которых проживало в Москве и городах области. В Истринском районе была «вскрыта» «контрреволюционная кулацкая группировка, возглавляемая кулаками, бывшими крупными землевладельцами, торговцами, раскулаченными», прибывшими из Центрально-Черноземной области на стройучасток совхоза «Глебово», где проводили «антисоветскую агитацию и вредительскую деятельность» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-2270. Л. 185). Колхозы Пушкинского и Звенигородского районов оказались наводнены «кулацким элементом», проводившим «антисоветскую агитацию, направленную на развал колхозов», а также «вредительскую работу» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-2113. Л. 337). Было арестовано 25 человек, почти все они получили лагерные сроки от полутора до трех лет. В Ногинском районе арестовали десятерых участников «контрреволюционной группировки троцкистов» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-3692. Л. 60–61). В их биографиях не было пятна раскулачивания, они (за исключением троих) родились и жили в деревне Глухово, все имели рабочее происхождение. Очевидно, что приписанное им обвинение не соответствовало запросам власти в текущий момент, и в мае их дело было прекращено.

Массовые аресты прекратились в мае после выхода инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. за подписью Сталина и Молотова, которая фактически прекратила крестьянские высылки, а также способствовала разгрузке тюрем, ограничив единовременное количество заключенных 400 тыс. чел. (О прекращении массовых выселений..., 2004, с. 175–179). В апреле в Москве и области было арестовано 612 человек, в мае – 24, в то время как массовые осуждения продолжались и весь июнь. ПП ОГПУ Московской области массово выносило приговоры к различным формам лишения свободы. До выхода инструкции 51 % от всех осужденных направлялось в лагеря, по 19 % – в ссылку или подвергалось высылке (им было запрещено проживание в ряде городов и регионов СССР). После 8 мая доля осужденных к лагерным срокам сократилась до 35 %, к ссылке – до 11 %, и в два раза выросло количество прекращенных дел – с 8,8 до 22 %. Высылки почти полностью прекратились после выхода приказа ОГПУ «Об урегулировании ссылки и изменении порядка освобождения осужденных за отбытием сроков изоляции» 23 июля 1933 г., запрещавшем

«тройкам» ПП ОГПУ применение высылки как меры изоляции [Полян, 2015] (всего 10 до конца года, пять из них – 26 июля).

Проведению репрессий среди сельского населения способствовало издание приказа ОГПУ № 0017 об организации политотделов МТС и совхозов от 25 января 1933 г. Данным приказом учреждалась должность начальников политотделов по работе ОГПУ, в обязанности которых входило «выявление и освещение деятельности контрреволюционных, антисоветских и кулацких группировок, организаций и отдельных лиц как в составе МТС, так и всей территории (колхозов), обслуживаемой МТС, и совхозов» (Приказ ОГПУ № 0017..., 2001, с. 678). Этот приказ, по сути, уравнивал между собой колхозников и крестьян-«кулаков»: первые больше не имели защиты от репрессий и могли быть привлечены к ответственности наравне с «чуждым» советскому строю «кулачеством». Политотделы МТС и совхозов достаточно эффективно решали поставленные перед ними экономические задачи, став редким примером того, когда репрессии не привели к ухудшению положения в экономике [Кондрашин, 2018, с. 11].

Весной в связи с кампанией против хулиганства на железных дорогах на них также были организованы политотделы. В их обязанности входила очистка железных дорог от «классово-чуждых, контрреволюционных и продажных антисоветских элементов» [Ширер, 2014, с. 234]. Среди арестованных в Москве в 1933 г. было 54 человека, задержанных сотрудниками дорожно-транспортных отделов. Все они имели «пятна» в своей биографии, в основном – «кулацкое» происхождение. По итогам следствия все дела были прекращены за недоказанностью обвинения. 31 марта отделение дорожно-транспортного отдела (ОДТО) ОГПУ Московско-Казанской железной дороги была арестована группа стрелков воензированной охраны одного из участков дороги, состоящая из 22 человек. «Стрелки являлись по соц. происхождению кулацкими и соц. чуждыми элементами, среди стрелков охраны систематически проводили контрреволюционную агитацию, направленную на политико-моральное разложение стрелков. Среди них распространилась контрреволюционная провокация о том, что в стране кругом голод и люди умирают с голоду целыми семьями. Крестьян ограбили, жить при советской власти поэтому стало невозможно, советская власть недолговечна, в скором времени будет свержена, так как с объявлением войны на фронт никто не пойдет». В ходе произведенного дознания ряд свидетелей отказался от своих показаний, заявив, что «известные им факты в протоколах допросов изложены в неправильном преувеличенном содержании, а ряд показаний не был зафиксирован по усмотрению лиц, производящих дознание» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-9547. Л. 327). Дело на всех обвиняемых было прекращено.

1933 г. запомнился жителям столицы и кампанией по паспортизации населения. 5 января приказ ОГПУ № 009 о чекистских мероприятиях по введению паспортной системы предписывал «всем управлениям и отделам ОГПУ, ПП ОГПУ МО и Московскому управлению рабоче-крестьянской милиции предоставить Оперод ОГПУ и ПП ОГПУ МО списки контрреволюционных, кулацких, уголовных и других антисоветских элементов, проходящих по оперативным материалам». Пункт 8 приказа гласил: «Опероду ОГПУ и ПП ОГПУ МО к 25 января закончить составление списков лиц, подлежащих удалению из Москвы» (Приказ ОГПУ № 009..., 2004, т. 1, с. 149). За весь год в Москве было зарегистрировано свыше 300 тыс. «социально-чуждых элементов». Этих людей ловили на улицах и высылали из столицы в административном порядке в той одежде, которая была на них, без паспортов и продовольственных карточек [Баберовски, 2014, с. 143]. По мере того как паспортизация набирала ход, из столицы начался массовый исход населения. По милицеским сообщениям, Москва пустела со скоростью тысяча человек в день. К концу апреля 1933 г. население столицы сократилось на 98 тыс. человек по сравнению с январем того же года [Ширер, 2014, с. 247].

В августе циркуляр ОГПУ № 96 закрепил порядок «применения мер внесудебной репрессии в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации» (Циркуляр ОГПУ № 96..., 2004, с. 156). Спустя три месяца после майской инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР массовой работе «троек» снова был дан зеленый свет. Циркуляр регламентировал создание «тройки» в составе помощника полномочного представительства по милиции, членов паспортного отдела и начальника оперативного отдела ПП ОГПУ для рассмотрения дел тех, кто отказался добровольно выезжать из местности, где ему проживание запрещалось, возвратился в нее после высылки или прибыл на жительство без паспорта в режимную местность. На деле жертвами таких «троек» становились «социально-опасные элементы», в основном – молодые люди в возрасте до 30 лет. Среди

них были проживающие в Москве без прописки и паспорта (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-2832. Л. 1), безработные (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-2338. Л. 34), «политические» хулиганы – такие, как рабочие авиационного завода им. Фрунзе, 22-летние Николай Рыжов и Григорий Мильман, которые в столовой учебного пункта, сопровождая свои действия «антисоветскими выкриками», напихали в рот бюсту Ленина капусты и набросали на него объедки винегрета (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-398. Л. 20–21).

У молодежи 1933 г. была особая роль среди арестованных. Люди, сформировавшиеся уже при советской власти, имели свое видение проблем, стоящих перед государством, и не боялись предлагать пути их решения. Властью такие высказывания расценивались как антисоветская агитация. «Это глубокие люди. <...> Они на жизнь смотрят ясными не мутными глазами и не стесняются говорить правды в глаза. Часто они числятся в списках не наших людей как их называют» [Козлова, 2005, с. 228–229], – так описывал прогрессивную молодежь 1930-х гг. в своем дневнике Степан Подлубный. Среди арестованных в 1933 г. в Москве молодые люди в возрасте до 30 лет составили 26 %. В их следственных делах есть множество примеров недовольства советской политикой, бытом московских рабочих, встречаются и примеры политического «хулиганства» в виде разрисованных портретов вождей и портретов с выколотыми глазами.

Репрессии в Москве в 1933 г. в основном затронули мужчин в возрасте от 20 до 49 лет. Женщины составили только 3 % – это домработницы, мелкие служащие, крестьянки и рабочие производства. Треть из всех арестованных приходится на людей в возрасте от 40 до 49 лет. Среди молодежи проявление «антисоветских настроений» выражалось в ее рассуждениях о текущем положении в стране, его осмыслении, нередко в высказываниях об альтернативных курсу партии путях построения социализма. Среди более возрастных людей большинство составляли раскулаченные или же имеющие «пятна» в дореволюционном прошлом. Абсолютное большинство арестованных – 75 % – было выходцами из разных слоев крестьянства. Следственное дело не всегда проясняет истинное социальное происхождение, так как в годы раскулачивания оно нередко исправлялось следователями и подтверждалось фиктивными справками с места прежнего жительства, и крестьяне-середняки становились выходцами из «кулаков». Материалы дел показывают, что такая запись присутствует в анкетах 749 человек (40 % от всех выходцев из крестьян), при этом у 27 из них приписка «кулаки» в анкете появилась в ходе следствия (слово вписано другой пастой или почерком (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-505. Л. 3; Д. П-1319. Л. 9; Д. П-2186. Л. 10; Д. П-7990. Л. 5, 12, 19, 33).

Половина из всех арестованных была уроженцами Москвы и Московской области. Из приезжих наибольший приток в столицу происходил из областей Центрально-Черноземного края (23 %), Поволжья и Украинской ССР (по 12 %); 58 % от всех осужденных проживало в сельской местности, а от всего городского населения 78 % – в Москве (остальные – в городах Московской области). Среди арестованных были представители 26 национальностей, русские составили абсолютное большинство, следом по численности шли украинцы (111 человек), евреи (38), мордва (28) и белорусы (28).

40 % от всех арестованных были представителями рабочих профессий. Среди рабочих чаще всего арестовывали занятых в промышленном производстве – плотников, слесарей, возчиков. Положение пролетариата, часть которого составляли вчерашние крестьяне, пожалуй, было самым незавидным. В 1933 г. цены на основные продукты в стране начали расти. Это было связано с необходимостью финансирования жилищного строительства и инфраструктуры растущих городов, которая находилась в сильнейшем перенапряжении. Миграция в города более 10 млн крестьян в годы первой пятилетки вызвала серьезный жилищный кризис, который в годы голода власти попытались решить введением паспортов и системы городской прописки. Началась и кампания по повышению производительности труда, которая сопровождалась пересмотром норм выработки. Концепция героя «маленького человека» становилась не только частью идеологии, но и вводила определенный стандарт «ударника», к которому должен был стремиться каждый работник [Фицпатрик, 2008, с. 10, 92]. Если молодые с энтузиазмом откликнулись на нее, то представители старшего поколения рабочих возмущались высокими темпами роста выработки. В условиях плохого материального обеспечения они отказывались участвовать в соревновании. Рабочие Егорьевской красильной фабрики написали коллективное письмо, объясняя свой отказ тем, что они находятся на грани голодной смерти. Голод, охвативший страну в 1933 г., сказывался и в столицах, и это при том, что рабочие Москвы и Ленинграда были гораздо лучше обеспечены продовольствием, чем жители провин-

циальных городов. Рабочие Бронницкого стекольного завода, которым урезали продуктовые нормы, массово покидали рабочие места, так же поступали рабочие и многих других предприятий [Голдман, 2010, с. 30–31, 35, 37].

24 % от арестованных были служащими, рядовыми работниками советских учреждений. В ряду репрессированного руководящего персонала среднего звена было немало заведующих (магазином, складом, хозяйственной частью, отделами на фабриках и заводах), а среди мелких служащих – бухгалтеров и счетоводов. Пострадали от репрессий и люди, занятые в сельском хозяйстве, 27 % из них – крестьяне-единоличники, не вошедшие в колхозы во время коллективизации. 4 % от всех осужденных – это «деклассированные элементы», почти все они – люди без определенного места работы. Аресты не обошли стороной и нетрудящихся (3 %) – учащихся, студентов и пенсионеров.

Подавляющее большинство из всех арестованных в Москве и области в 1933 г. (71 %) имело начальный уровень образования: 2–3 года сельской или городской школы, у многих в следственных документах в графе «образование» указано «грамотный». 11 % от всех арестованных были малограмотными (они получили домашнее образование либо могли только поставить свою подпись), и только 4 % имели высшее образование. Столь невысокий уровень грамотности репрессированных, как и в другие периоды террора, лишней раз указывает на мнимость совершаемых «антисоветских» преступлений. Для проведения осмысленной антисоветской агитации был необходим хотя бы элементарный уровень понимания политических догм, которыми, очевидно, не могли обладать рабочие и колхозники, зачастую не умеющие даже читать. «Реальность» обвинения состояла в том, что любое высказывание, будь то жалоба на высокие цены, плохое оборудование или воспоминание о доколхозной жизни, считалось антисоветским или контрреволюционным.

В 1933 г. была инициирована «чистка» ВКП(б), в результате которой свыше 18 % коммунистов лишились партбилетов [Баберовски, 2014, с. 200]. Часть из «вычищенных» входила в «группу риска» при проведении арестов. Среди фигурантов рассмотренных нами дел 24 человека состояли в партии до 1933 г., но следственное дело не всегда дает понять истинные причины исключения: это могла быть «чистка», добровольное желание или арест. Известно, что пятеро из них были исключены как «социально-чуждые элементы» за сокрытие социального происхождения. Большая часть арестованных никогда не состояла в политических партиях, за исключением 223 человек. 34 из них вступили в ряды большевиков еще до революции или в первые годы советской власти, но это не уберегло их от репрессий.

Подводя итог, отметим, что, как и в любой другой период репрессий, арестные кампании 1933 г. инициировались и четко контролировались партийным руководством. ПП ОГПУ Московской области четко выполняло распоряжения и инструкции центра. Под пристальное внимание органов госбезопасности в первую очередь попадали выходцы из голодающих районов, раскулаченные, бежавшие с места ссылки, вчерашние крестьяне, приехавшие в город на заработки и ставшие рабочими. Именно они были самой многочисленной группой среди репрессированных. За формулировкой обвинения «антисоветская агитация» скрывался настоящий мотив осуждения – неблагоприятное социальное происхождение или политическое прошлое. Поводом для ареста молодых людей чаще всего становились их рассуждения о путях развития страны, выразившиеся в несогласии с текущим политическим курсом.

Примечания

¹ Статистические результаты этого исследования носят предварительный характер в части динамики арестов и осуждений.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-398. Л. 20–21; Д. П-505. Л. 3; Д. П-531. Л. 30; Д. П-564. Л. 62–63; Д. П-1319. Л. 9; Д. П-1683. Л. 85; Д. П-2113. Л. 337; Д. П-2186. Л. 10; Д. П-2270. Л. 185; Д. П-2690. Л. 11; Д. П-2691. Л. 12; Д. П-2694. Л. 11; Д. П-2695. Л. 11; Д. П-2696. Л. 6; Д. П-2832. Л. 1; Д. П-2338. Л. 34; Д. П-3692. Л. 60–61; Д. П-7990. Л. 5, 12, 19, 33; Д. П-9547. Л. 327.

Директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР о предотвращении массового выезда голодающих крестьян. 22 января 1933 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Докумен-

ты высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2003. С. 391.

Директива ОГПУ СССР о пресечении массовых выездов крестьян. 22 января 1933 г. // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3: 1930–1934. Кн. 2: 1932–1934. М., 2005. С. 262–263.

О порядке рассмотрения дел на кулаков, бежавших из спецпоселения: приказ ОГПУ № 402/с. 28 апреля 1932 г. // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. Книга II. М., 2006. С. 557–558.

О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения: инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры. 8 мая 1933 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг. Собр. документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М., 2004. С. 175–179.

О работе парторганизации частей УВО и настроениях в связи с хлебозаготовками: сводка. 3 января 1933 г. // Трагедия советской деревни. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001. С. 619–624.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о распространении на Нижнюю Волгу директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 22 января 1933 г. 16 февраля 1933 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001. С. 644.

Приказ ОГПУ № 009 о чекистских мероприятиях по введению паспортной системы в СССР 5 января 1933 г. // История сталинского ГУЛАГа. М., 2004. С. 149.

Приказ ОГПУ № 0017 об организации политотделов МТС, совхозов и учреждении в них должностей начальников политотделов по работе ОГПУ. 25 января 1933 г. // Трагедия советской деревни. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001. С. 678.

Сталин И.В. Итоги первой пятилетки: доклад 7 января 1933 г. // Сочинения. Т. 13. М., 1951.

Циркуляр ОГПУ № 96 о порядке применения мер внесудебной репрессии в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации населения. 13 августа 1933 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг. Собр. Документов: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М., 2004. С. 156.

Библиографический список

Баберовски Й. Выжженная земля: сталинское царство насилия. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 488 с.

Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М., 2004. 288 с.

Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941. М.: РОССПЭН, 2012. 344 с.

Голдман В. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Ельцина», 2010. 336 с.

Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: Институт российской истории РАН, Университет г. Торонто (Канада), 2000. 350 с.

Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 544 с.

Кондрашин В.В. Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. // Российская история. 2018. № 4. С. 3–13.

Красильников С.А. «Белогвардейский заговор» 1933 г. в Западной Сибири (по материалам архивно-следственного дела) // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 59–63.

Мишина Е.М. Политические репрессии в Москве и Московской области в 1930-е гг.: по страницам электронной «Книги памяти репрессированных москвичей» // История: электронный научно-образовательный журнал. 2020. Т. 11, № 3.

Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР (1918–1953). М.: Кучково поле, 2011. 752 с.

Папков С.А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М.: Политическая энциклопедия, 2012. 440 с.

Папков С.А. Тройки ОГПУ–НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 128–154.

Папков С.А. Сталинская коллективизация и специалисты-аграрники Сибири. Дело «Трудовой Крестьянской партии» и о «Заговоре в сельском хозяйстве Западно-Сибирского края» в 1930–1933 гг. // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2014. С. 609–617.

Полян П. География несвободы: об инфраструктуре депортаций и советской режимности [Электронный ресурс] // Демоскоп. 2015. № 651-652. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0651/analit04.php> (дата обращения: 13.06.2020).

Тепляков А.Г. Динамика государственного террора в СССР в 1933 году: новые данные // Вестник Новосибир. гос. ун-та. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 1. С. 50–54.

Тепляков А.Г. Восстание в Братском районе Восточно-Сибирского края весной 1933 г. // Изв. Алт. гос. ун-та. 2012. № 4-2(76). С. 202–206.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 336 с.

Ширер Р. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 544 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 20.08.2020

REPRESSIONS IN THE MOSCOW REGION IN 1933: POLITICAL AND SOCIAL ASPECTS

E. M. Mishina

The charity foundation “Give the hand”, Mokhovaya st., 11, build. 3, 125009, Moscow, Russia

zyu@inbox.ru

ResearcherID: ABB-1792-2020;

The article presents an analysis of repressive operations conducted in the USSR in 1933 on the example of the Moscow region. The author examines the main repression campaigns of this year using the Communist Party, the Council of People's Commissars of the USSR and the OGPU directives and decrees, which accompanied mass arrests by political reasons. The study of social aspects is based on archival investigative cases stored in the State Archive of the Russian Federation (fund 10035). The analysis shows that the repressive operations clearly followed the instructions of the central authorities. Mass convictions by extrajudicial sentences of the OGPU “troikas” in the Moscow region mostly took place before the signing of the instruction of May 8th, 1933, which ceased mass evictions of peasants and restricted mass arrests. Until that time, the main targets of terror were immigrants from Ukraine, the North Caucasus and the Volga region, and the fact of dekulakization was crucial in sentencing. Workers suffered the most from the repressions. They were yesterday's peasants who fled from dekulakization, often living in Moscow without documents in poverty and in constant need. Their “anti-Soviet agitation” expressed dissatisfaction with the living and working conditions. Young people carried on “anti-Soviet propaganda” in discussions about the current situation in the country. Most of the victims were semi-literate.

Key words: political repressions, archival investigative cases, Moscow in 1933, repressions' dynamics, social portrait, “troikas”.

References

Baberovski, Y. (2014), *Vyzhzhennaya zemlya: stalinskoe tsarstvo nasiliya* [Scorched earth: the Stalin's reign of terror], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 488 p.

Fitzpatrick, Sh. (2008), *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: gorod* [Everyday stalinism. Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s: a city], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 336 p.

Goldman, V. (2010), *Terror i demokratiya v epokhu Stalina. Sotsial'naya dinamika repressiy* [Terror and democracy in the age of Stalin: the social dynamics of repression], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 336 p.

Ivnitskiy, N.A. (2000), *Repressivnaya politika sovetskoy vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [The repressive policy of the Soviet government in the countryside (1928–1933)], Institut rossiyskoy istorii RAN, Moscow, Russia, 350 p.

- Kondrashin, V.V. (2018), "Collectivisation's influence on Russian history of the 20th century", *Russian History*, №4, pp. 3–13.
- Kozlova, N. (2005), *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history], Evropa, Moscow, Russia, 544 p.
- Krasil'nikov, S.A. (2005), "The White guard conspiracy of 1933 in Western Siberia (on the materials from the archives and investigation)", *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, №2, pp. 59–63.
- Mishina, E.M. (2020), "Political repressions in Moscow region in the 1930s on pages of electronic "Book of memory" of political terror victims in Moscow", *The Journal of Education and Science "ISTORIYA"*, vol. 11, issue 3(89), available at <https://history.jes.su/s207987840009656-0-1/?sl=ru> (accessed 02.07.2020).
- Mozokhin, O.B. (2011), *Pravo na repressii. Vnesudebnye polnomochiya organov gosudarstvennoy bezopasnosti. Statisticheskie svedeniya o deiatel'nosti VChK–OGPU–NKVD–MGB SSSR (1918–1953)* [The right to repression. Extrajudicial powers of state security bodies. Statistical information on the activities of the Cheka – OGPU – NKVD – MGB of the USSR (1918–1953)], Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 752 p.
- Papkov, S.A. (2010), "OGPU – NKVD "troikas" in Siberia in the Stalin era (1925–1938)", in Shishkin, V.I. (ed.), *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the 20th century], NII MIOO NGU, Novosibirsk, Russia, pp. 128–154.
- Papkov, S.A. (2012), *Obyknovennyy terror: politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary terror: the policy of Stalinism in Siberia], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 440 p.
- Papkov, S.A. (2014), "Stalin collectivization and agricultural specialists of Siberia. The case of the "Labor Peasant Party" and the "Conspiracy in Agriculture of the West Siberian Territory" in 1930–1933", in *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Novosibirskoy oblasti* ["Book of memory" of political terror victims of Novosibirsk region], K-2, Novosibirsk, Russia, pp. 609–617.
- Polyan, P. (n.d.), *Geografiya nesvobody: ob infrastrukture deportatsiy i sovetskoy rezhimnosti* [The geography of unfreedom: the infrastructure of deportations and Soviet security], available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0651/analit04.php> (accessed 13.06.2020).
- Shirer, R. (2014), *Stalinskiy voennyi sotsializm. Repressii i obshchestvennyy poriadok v Sovetskom Soyuze, 1924-1953 gg.* [Policing Stalin's socialism: repression and social order in the Soviet Union, 1924–1953]. Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 544 p.
- Teplyakov, A.G. (2012), "The uprising in the Bratsk region of the East Siberian region in the spring of 1933", *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, №4–2(76), pp. 202–206.
- Teplyakov, A.G. (2013), "The dynamics of state terror in the USSR in 1933: new data", *Vestnik Novosibir. gos. un-ta. Istoriya, filologiya*, vol. 12, issue 1: History, pp. 50–54.
- Vatlin, A.Ju. (2012), *Nu i nechist'. Nemetskaya operatsiya NKVD v Moskve i Moskovskoy oblasti 1936–1941.* [The German NKVD operation in Moscow and the Moscow region in 1936–1941], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 344 p.
- Vatlin, A.Yu. (2004), *Terror rayonnogo masshtaba: «Massovye operatsii» NKVD v Kuntsevskom rayone Moskovskoy oblasti 1937–1938 gg.* [Agents of terror: ordinary men and extraordinary violence in Stalin's secret police], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 288 p.